

УДК: 7.033.2(471); 72.033

ББК: 85.113(2)1

А43

DOI: 10.18688/aa199-3-34

А. А. Фрезе

Гражданская постройка («баня») в Переяславле и архитектура резиденций русских архиереев XI–XV веков¹

Вопрос о русском гражданском строительстве домонгольского периода всё еще имеет значительные лакуны в своей историографии, несмотря на постоянно увеличивающийся корпус открытых археологическими исследованиями построек [8]. Одним из таких пробелов является отсутствие обобщающего исследования о резиденциях представителей древнерусской знати, как светской, так и духовной. Однако в свете последних масштабных реставрационно-археологических работ на Владычном дворе Великого Новгорода анализ сохранившихся данных о дворцовых комплексах домонгольского периода приобретает дополнительную актуальность [2; 3]. Архитектурный ансамбль резиденции новгородского архиепископа, несомненно, начал формироваться уже в XI в. (хотя все первоначальные постройки, скорее всего, были деревянными), однако основные сооружения этого комплекса возведены при владыке Евфимии II во второй трети XV в. Начиная строительство новых зданий, мастера должны были учитывать сложившуюся к этому моменту структуру застройки территории, что определяет необходимость поиска возможных древнерусских прототипов для решения вопроса о характере зданий, входивших в резиденцию новгородского владыки, а также об эволюции комплекса. Исследование домонгольских памятников даёт возможность проследить начальный этап формирования структуры «дворов» русских архиереев.

Сообщения летописей и археологические исследования позволили ввести в научный оборот материалы о резиденциях митрополита Киевского [10, с. 206–216] и епископа Владимирского [7, с. 446–460], сформировавшихся рядом с кафедральными соборами соответствующих земель. Но данные о митрополичьем дворе в Киеве и епископском дворе во Владимире на Клязьме ещё слишком скудны и недостаточны для реконструкции их облика. Гораздо больше сведений сохранилось о монументальном ансамбле, выстроенном в детинце Переяславля митрополитом Ефремом в конце XI в. Основная задача данной статьи — определить функцию гражданской постройки, так называемой «бани митрополита Ефрема», входящей в архитектурный ансамбль переяславского детинца.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00045).

Подробный рассказ о строительстве митрополита Ефрема в Переяславле содержится в Лаврентьевском своде под 6597 (1089) г. Летописная статья сообщает: «Въ се же лѣто священа бысть церкви святого Михаила Переяславская, Ефремомъ митрополитом тоя церкви, юже бѣ создалъ велику сущю, бѣ бо преже въ Переяславли митрополя, и пристрой ю великою пристроюю, украсивъ ю всякою красотою, церковными съсуды, се бо Ефремъ бѣ скопецъ, высокъ тѣломъ. бѣ бо тогда многа зданья въздвиже: dokonчавъ церковь святого Михаила, заложи церковь на воротѣхъ городскихъ во имя святого мученика Феодора, и посемъ святого Андрѣя, у церкви отъ воротъ и строенье банное (камено), сего же не бысть преже въ Руси; и градъ бѣ заложилъ камень, отъ церкви святого мученика Феодора, и украси городъ Переяславскій зданьи церковными и прочими зданьи» [12, с. 89]. С незначительными изменениями этот текст можно найти в Ипатьевской летописи под 6598 (1090) г. [13, стб. 197–198].

Переяславский владыка в конце XI столетия является одним из важнейших церковных деятелей Древней Руси. В ведение Ефрема кроме Переяславского входили земли Ростово-Суздальского, Смоленского и Курского княжеств — территорий, управлявшихся в этот период Всеволодом Ярославичем и его сыновьями [11, с. 102; 20, с. 135–139]. Неудивительно, что Ефрем Переяславский обладал всеми возможностями для реализации столь широкомасштабной программы строительства, к тому же объективно необходимой для подтверждения статуса новой митрополии как одного из трёх главных центров русского государства — наравне с Киевом и Черниговом [17].

Следует отметить еще одну важную особенность биографии переяславского митрополита: согласно свидетельству Киево-Печерского патерика, Ефрем, пострижник Печерской обители, провёл продолжительное время в Константинополе в качестве насельника одного из столичных монастырей [15, с. 26; 16, с. 115–164].

Каким образом могло повлиять пребывание митрополита Ефрема Переяславского в Константинополе на характер и состав возведённых им построек? Летописные источники описывают его как строителя уровня Ярослава Мудрого и Андрея Боголюбского, по заказу которых были построены важнейшие здания Киева и Владимира, определявшие облик и топографию этих городов. Отношение строительных программ в Киеве и Владимире к архитектурно-идеологическим доминантам Константинополя достаточно прозрачно, но замысел митрополита Ефрема при сравнимом градообразующем масштабе (в том виде, который представлен летописями) был иным. Уже одно строительство кафедрального собора Переяславля, несомненно, стало причиной особого внимания летописца к прославлению переяславского владыки. Но возведение остальных построек, упоминаемых в летописи, — каменных стен, ворот с надвратной церковью, храма у ворот и бани, — возможно, имело несколько более локальные характер и цель: строительство резиденции митрополита. Функциональный состав построек, составивших «владычный двор» вокруг кафедрального собора, и мог быть обусловлен жизнью Ефрема Переяславского в одном из константинопольских монастырей.

Среди построек, упомянутых в летописи, внимание исследователя сразу же обращают на себя два сооружения: надвратная церковь Св. Феодора и «строенье банное (камено), сего же не бысть преже въ Руси». Обоим памятникам посвящена обширная литература. Но если для первого так и не был найден бесспорный византийский ана-

лог, который мог бы послужить точкой отсчёта для древнерусской традиции строительства надвратных храмов [6; 22; 25], то второй имеет множество предшественников и современников.

Стоит сразу отметить, что прежде на Руси не существовало именно каменного банного строения, деревянные же бани были широко распространены в домонгольскую эпоху [24]. Многочисленные бани, но уже каменные, строились и в Византии, как в Константинополе, так и в других городах и поселениях империи. Р. Жанэн приводит данные письменных источников о тридцати общественных банях в Константинополе [29, р. 209–217]. О существовании традиции строительства монастырских бань и их важной роли в жизни монахов свидетельствуют уставы византийских обителей. Уже в типиконе монастыря Богородицы Эвергетиды, первая редакция которого появляется в 1054–1070 гг., предусматривается наличие бани. Она должна была использоваться в основном для медицинских целей, но здоровым братьям разрешалось посещать баню до трех раз в год [28, р. 491]. В столичных монастырях, основанных членами императорской семьи, было разрешено мыться гораздо чаще: в монастыре Богородицы Кехаритомени (устав 1110–1116 гг.) — раз в месяц [28, р. 649–717]; в монастыре Пантократора (устав 1136 г.) — два раза в месяц, за исключением периода Великого поста [28, р. 725–774]. Сохранившиеся уставы других монастырей XII в. также содержат положения относительно посещения бань, причём если по какой-то причине обитель не располагала соответствующим сооружением, монахам выдавались деньги для оплаты банных услуг и покупки мыла [28, р. 1013–1014, 1070–1071]. Именно в это время повышенного внимания к гигиене в обителях и оказался в Константинополе Ефрем Скопец, что наверняка повлияло на его решение возвести собственную баню².

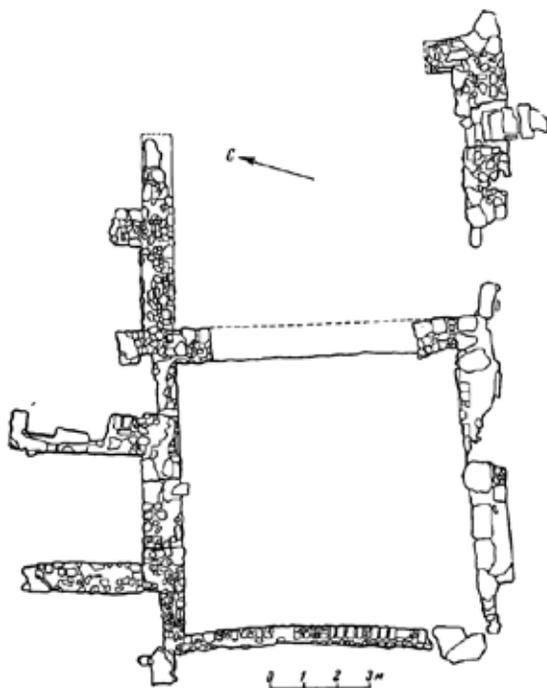

Рис. 1. Гражданская постройка. Переяславль Русский, Украина. Конец XI в. План по Ю. С. Асееву, М. И. Сикорскому, Р. А. Юре

² Дополняя характеристику византийской традиции пользования банями, следует отметить, что купание воспринималось прежде всего как важная часть лечебных процедур. Недужным членам братии разрешалось принимать ванны столько, сколько посчитает необходимым врач. Устройство же бань оговаривается в уставах вместе с устройством особых келий для больных или целых госпиталей. В связи с этим в новом свете может предстать поздняя версия рассказа о строительстве Ефрема,

В результате археологических работ 1962–1963 гг. в 50 м к северо-западу от Михайловского собора и в 12 м от оборонительного вала детинца были открыты остатки постройки XI в. [4] (Рис. 1). Раскопки проводились в чрезвычайно трудных условиях густой застройки городской усадьбы: некоторые участки кладки были разрушены позднейшими сооружениями, другие — полностью недоступны для изучения, полы постройки перекопаны кладоискателями. Совершенно не исследованным оказался северо-восточный участок постройки, фундаменты которого находились под современным жилым домом. Тем не менее украинским археологам удалось в общих чертах установить план здания и определить его конструктивные особенности и датировку.

Постройка представляла собой двухкамерное сооружение, снаружи имевшее размеры 18,2×11 м. Восточная камера была чуть больше западной — их размеры 9×7,5 м и 8,1×8,4 м соответственно. Между помещениями удалось проследить остатки фундамента внутренней стенки шириной 1 м. Оба зала имеют собственные входы, которые расположены с противоположных сторон: у восточного помещения — с южной стороны, у западного — с северной. Вход в западное помещение фланкируется двумя «отростками стен», примыкающими к северной стене. У северной стены восточного помещения также расположены два коротких «отростка», но по опубликованному плану не ясно, имели ли они продолжение или являлись лопатками. Фундаменты сложены из блоков ломаного камня с нерегулярными прослойками плинфы, на растворе с цемянкой. При раскопках были обнаружены многочисленные фрагменты строительных материалов и декоративного убранства здания: лекальная плинфа разных типов, голосники, части черепичной и свинцовой кровли, кирпичи брусчатого типа, инкрустированные мозаикой шиферные полы, обломки мраморных колонн и карнизов, мраморная капитель, кубики смальты, в том числе и для золотого фона, круглые оконные стекла. Техника строительства в сочетании с характером найденных элементов убранства позволили отнести постройку к концу XI в. — времени строительства Ефрема Переяславского.

Первые исследователи памятника (Р. А. Юра, Ю. С. Асеев и М. И. Сикорский), исходя из особенностей плана, определили гражданский характер здания и предполагали, что сохранившиеся фундаменты представляли собой часть дворцового комплекса митрополита Ефрема Переяславского. В публикации результатов архитектурно-археологических работ они отметили: «Едва ли можно назвать какие-либо каменные сооружения Киевской Руси, которые были бы украшены с большей пышностью» [4, с. 211]. Но уникальная находка в перекопанном слое шести обломков керамических водопроводных труб византийского типа поставила под вопрос, казалось бы, однозначную интерпретацию сооружения как дворца переяславского владыки.

П. А. Раппопорт в своем своде археологических источников о древнерусском жилище, опубликованном в 1975 г., описывает гражданскую постройку в детинце Переяславля в составе дворцовых сооружений, наравне с киевскими дворцами, черниговскими теремами, а также остатками зданий в Смоленске, Звенигороде и Холме [20, с. 112–115]. Но в своде 1982 г. «Русская архитектура X–XIII вв.» П. А. Раппопорт уже считает интерпретацию этого сооружения в качестве бани более вероятной [21,

содержащаяся в Никоновской летописи под 1091 г. и упоминающая «врачеве и болници» [14, с. 116].

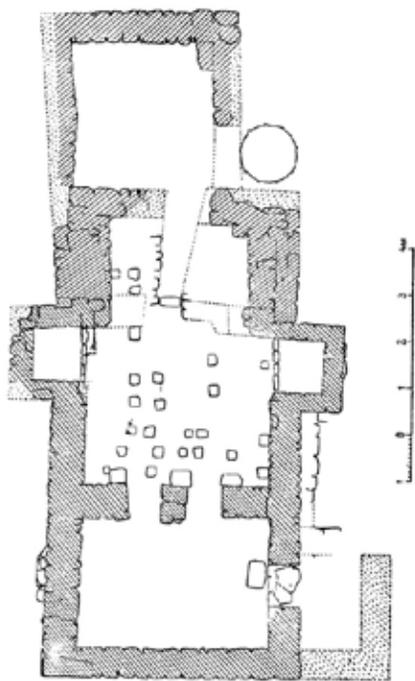

Рис. 2. Банный комплекс в квартале III. Херсонес, Крым. IX–X вв. План по А. Л. Якобсону

с. 34–35]. Конечно, до проведения новых археологических исследований, которые могли бы расширить площадь первоначально изученного участка, невозможно окончательно определить назначение постройки, но сравнительный анализ переяславского сооружения с современными ему банями восточно-христианского мира все же сможет приблизить исследователя к решению данного вопроса.

В целом можно говорить о наличии ряда устойчивых черт при строительстве банных комплексов, характерных для всего восточно-христианского мира в IX–XIII вв. Обязательными составляющими планировки бани являлись: раздевальня, купальный зал и топочное отделение, размещённые именно в данной последовательности. Дополнительные помещения пристраивались по мере необходимости. Топочное отделение сооружалось двухъярусным: внизу устраивалась собственно топка, сверху располагался резервуар для горячей воды. Топка соединялась с нижним ярусом (подполом) купального зала системой каналов, разделённых столбиками гипокауста. Горячий воздух, поступавший из топочного отделения, проходил по ним и выводился через вертикальные каналы, встроенные в стены бани.

Таким образом, отапливались и пол, и стены купального зала. Гипокауст не распространялся на помещение раздевальни. Достаточно часто купальный зал имел ниши-экседры для устройства в них отдельных ванн. Подача горячей воды в купальный зал из резервуара над топкой могла осуществляться либо с помощью гончарных трубопроводов, либо напрямую, через специально устроенное отверстие в стене. Холодная вода могла поступать по водопроводам как непосредственно из располагавшегося рядом естественного источника, так и из особого водохранилища. Полы в купальном зале делались наклонными для облегчения спуска использованной воды, которая выводилась из здания также по трубопроводам. Купальный зал часто перекрывался куполом (на барабане или без него). Освещение бань осуществлялось через специально устроенные отверстия в сводах и (или) в барабанах куполов. В хорошо сохранившейся бане в Фессалонике (вторая половина XII — начало XIII в.), находящейся около поздневизантийской церкви Архангелов, первоначально были предусмотрены большие окна (такие же, какие делались в храмах), но впоследствии оконные проёмы были заложены и вместо них устроены отверстия в сводах здания [32] (Илл. 63).

По этим принципам были выстроены бани в Херсонесе (баня в квартале IX к югу от Северной базилики VII–XI вв.; баня в квартале III IX(?)–X вв. (Рис. 2); баня XIII в. на участке раскопок 1937 г.), уже упомянутая баня в Фессалонике, монастырских комплексах

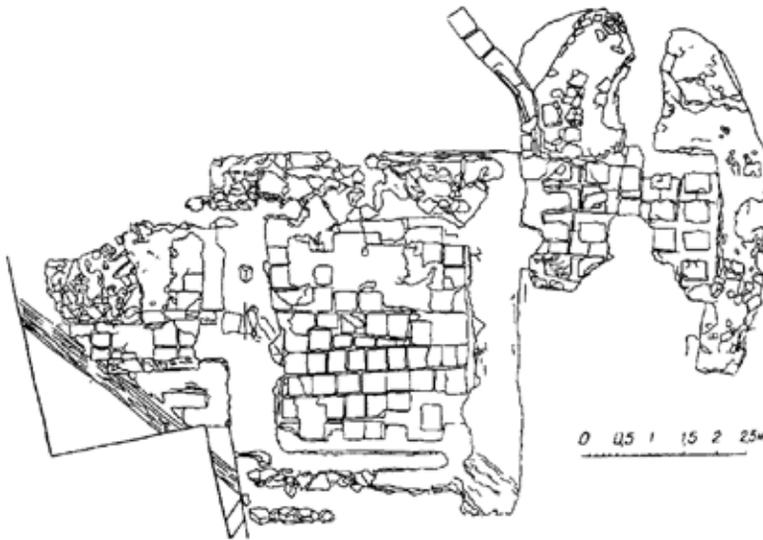

Рис. 3. Банный комплекс. Киев, Украина. Конец XI в. План по В. А. Богусевичу

Кесариани (XI в.) и Дервеносалеси (XI–XII вв.) в Аттике, в Преславе (IX–X вв.), в Амберде (XI–XII вв.), Дманиси (XIII в.) и в других поселениях восточнохристианского мира.

Не отходит от общих конструктивных и технико-технологических черт данного типа построек и баня на митрополичьем дворе в Киеве [5] (Рис. 3). Исходя из особенностей применённой в строительстве плинфы, М. К. Каргер, раскрывший и опубликовавший памятник, датировал его концом XI — началом XII в. [9, с. 458–461]. Датировка и размещение бани на дворе митрополита Киевского, в 30 м к северо-западу от Софийского собора, делает этот памятник ключевым для реконструкции банного строения митрополита Ефрема Переяславского. Киевское здание состоит из трёх камер. Лучшее сохранилось средняя камера (внутренний размер около 2,6×2,6 м). На западной и восточной стенах, уцелевших в своих нижних частях, прослеживаются по четыре прямоугольные лопатки. Пол камеры был выложен кирпичами. С севера к средней камере примыкало второе, уступающее ей по ширине помещение, большая часть которого уничтожена поздней ямой. С юга среднюю камеру фланкировало третье, примерно равное среднему по ширине помещение, от которого уцелела только восточная часть. Пол южной камеры был также вымощен кирпичами, на нём сохранились нижние части кирпичных столбиков, между которыми образуются узкие продольные и поперечные каналы. С восточной стороны южное помещение соединялось с небольшой овальной камерой — топкой: её дно было расположено ниже уровня древней поверхности земли, на полу лежал значительный слой золы и углей, а плинфа, из которой сложены стенки, была сильно пережжённой. Кроме того, был найден узкий кирпичный канал, начинавшийся от северо-восточного угла южной камеры. Все вышеперечисленные характеристики раскрытой постройки дали В. А. Богусевичу основание утверждать, что М. К. Каргером была найдена баня, хотя сам руководитель раскопок считал её кирпичеобжигательной печью [9, с. 458–461].

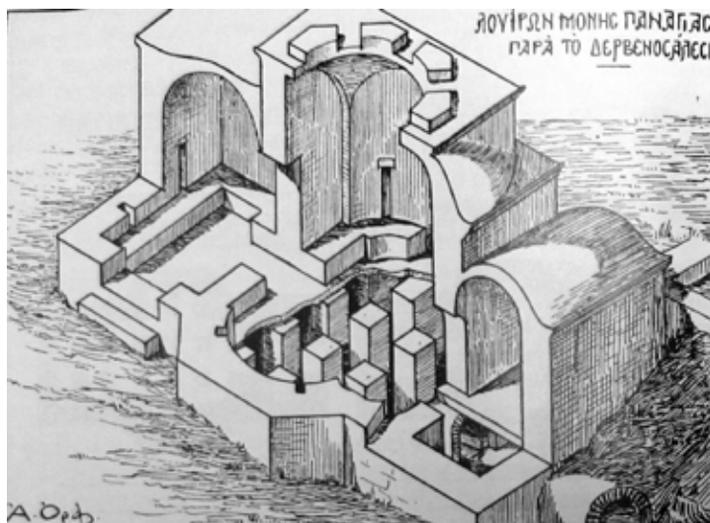

Рис. 4. Банный комплекс. Дервеносалеси, Греция. XI–XII вв. Аксонометрия по А. Орландосу

Первое, самое заметное отличие переяславской постройки от бани на митрополичьем дворе в Киеве — совершенно иной масштаб здания. Ширина всех трёх камер киевской бани — около 12 м, длина в наиболее сохранившейся части — 5 м. Эти размеры сопоставимы с другими банями, известными на территории Греции, Болгарии и Херсонеса (и даже несколько их превышают)³. Так, например, монастырские бани в Дервеносалеси и Кесариани представляли собой компактные, четко спланированные трёхкамерные здания. Баня в Дервеносалеси имела внешние приблизительные размеры 8×5 м (Рис. 4), баня в Кесариани — 8,5×5,7 м [31, с. 95–108]. Идентичных размеров была и баня у крепостной стены Преслава (IX–X вв.) [1]. Размеры бани, найденной в Спарте (XII–XIII вв.), — 10,5×5,8 м [30], бани в III квартале Херсонеса IX(?)–X вв. — 9,8×4 м [27]. Масштаб же переяславской постройки сопоставим лишь с самым большим известным на территории греческих областей Византии зданием это типа — баней в Фессалонике, общие размеры которой 17,5×12,5 м [32] (Рис. 5). С фессалоникийской баней здание в Переяславле роднит использование мраморных деталей (помещения тепидария и кальдария делились на две ячейки и отделялись друг от друга с помощью двойных и тройных аркад на мраморных колоннах; пол был выстлан мраморными плитами) (Илл. 64), а также развитая система кирпичного декора, украшавшего фасады. Но, во-первых, в общие размеры фессалоникийского памятника укладываются четыре отделения: префурний, кальдарий (4,5×11 м), тепидарий (3,5×9 м) и аподитерий (2,6×10 м). Во-вторых, каждое из этих отделений, кроме префурния, состояло из двух пространственных ячеек, в то время как изученная часть переяславского здания представляет собой две обширные камеры, в каждой из которых мог бы полностью поместиться не-

³ Не стоит забывать, что баня стоит на дворе митрополита и к тому же формально может считаться состоящей из четырёх камер — топочное отделение пристроено сбоку к анфиладе из трёх камер.

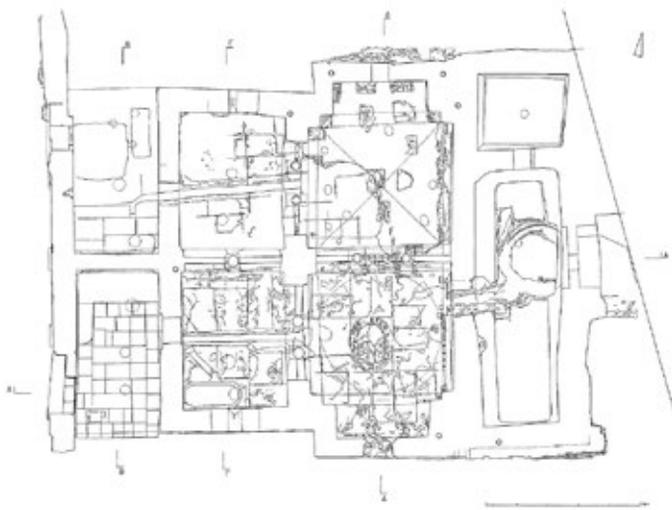

Рис. 5. Банный комплекс. Фессалоника, Греция. Вторая половина XII — начало XIII в.
План по К. Раптису, Ф. Ревисиаду

большой банный комплекс. Тем не менее на данном этапе нельзя исключить и возможность существования внутреннего деления в помещениях переяславской постройки. Её исследователи особо подчеркивали исключительно плохую сохранность полов здания, поэтому говорить о зальном характере обеих камер было бы преждевременно.

Можно попытаться «встроить» в существующий план переяславского здания все компоненты, необходимые для функционирования средневековой бани. Тогда восточную камеру с собственным входом можно соотнести с раздевальной-аподитерием, а западную — с купальным залом, или кальдарием. В таком случае отростки стен, примыкающие к северной стене западной камеры и обрамляющие её портал, могли бы быть частью топочного отделения. Но такая интерпретация оставляет без объяснения ряд важных вопросов. Р. А. Юра, Ю. С. Асеев и М. И. Сикорский так описывают эту часть здания: «Западный отросток шириной 0,9 м и длиной 3,7 м, восточный шириной 1,15 м. Эти отростки стен не имели перевязки с северной стеной здания и были пристроены к ней впритык. Фундаменты их необычны. Часть их, примыкающая к portalу, была заложена в глубину на 1,0 м, т. е. на 0,5 м выше подошвы фундамента северной стены. Конечная их часть положена прямо на материковый грунт. Таким образом, фундаменты отрезков стен имеют перепад — это можно объяснить лишь тем, что эти отрезки стен являются нижними частями контрфорсов, укреплявших северную стену и обрамлявших портал» [4, с. 206]. Такая конструкция не отвечает предполагаемому функционированию этой части в качестве префурнии, прежде всего тем, что не может быть соотнесена по глубине фундаментов с западной камерой, что было бы продумано при устройстве системы гипокауста. Кроме того, единственное упоминание о прослойках золы, углей, наличии плинфы и камней с сильно обгоревшей поверхностью связано с нижней частью строительного развала, что, по мнению авторов раскопок, свидетельствовало о гибели здания в результате пожара. Таким образом, за исключе-

нием обломков гончарных труб, при раскопках переяславской гражданской постройки основные археологические маркеры, которые бы могли недвусмысленно свидетельствовать о функционировании здания в качестве бани — столбики гипокауста, топка, значительные слои золы и угля, обожжённые кирпичи в кладке, — исследователями не были обнаружены. До появления новой возможности раскрыть здание и расширить площадь раскопок (прежде всего для исследования северо-восточной части) следует признать, что бесспорных и достаточных аргументов в пользу отождествления данного памятника с баней митрополита Ефрема нет. С большей вероятностью раскрытые помещения входили в дворцовый комплекс переяславского владыки. Остатки керамических труб могли быть частью системы подачи воды в один из залов дворца.

Следующим шагом в исследовании строительной деятельности митрополита Ефрема должно стать сопоставление архитектурных комплексов, выстроенных для владык Переяславского и Киевского, а также современного им ансамбля Киево-Печерского монастыря. П. А. Раппопорт уже провёл такое сравнение относительно стен, ограждавших митрополичий двор в Киеве и Печерский монастырь, определив их как «в первую очередь декоративные сооружения, окружавшие митрополичий и монастырский замки; сооружения, имевшие гораздо более художественное, чем военное значение». Такой же характер «епископского замка» мог носить, по мнению исследователя, и владычный двор в Переяславле [19, с. 117]. Таким образом, для реконструкции становления феномена дворцового комплекса, эволюция которого привела к созданию архитектурного ансамбля Владычного двора в Новгороде Великом, необходимы продолжение исследования архиерейских резиденций, накопление новых археологических материалов и целенаправленное изучение письменных данных. Это требуется в том числе и для решения вопроса о местных источниках и привнесённых извне особенностях архитектурной и иконографической программы.

Литература

1. *Акрובה-Жандова Ив., Василева Д.* Бانيا във вътрешния град на Преслав // Преслав. Сборник 2 / Отв. ред. С. Ваклинов. — София: Наука и изкуство, 1976. — С. 258–270.
2. *Антипов И. В., Булкин Вал. А., Жервэ А. В.* Новые материалы к истории новгородского Владычного двора // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. Материалы научной конференции. 2009. — М.: Изд-во Московск. ун-та, 2009. — С. 141–155.
3. *Антипов И. В., Булкин Вал. А., Жервэ А. В., Трояновский С. В.* Архитектурно-археологическое изучение Владычной палаты новгородского Кремля в 2006–2007 годах // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. — 2008. — Вып. 3. — С. 113–118.
4. *Асеев Ю. С., Сикорский М. И., Юра Р. А.* Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславле-Хмельницком // Советская археология. — 1967. — № 1. — С. 199–214.
5. *Богусевич В. А.* Споруда XI ст. у дворі кїївського митрополита // Археологія. — 1961. — Т. XIII. — С. 105–113.
6. *Виноградов А. Ю.* Храмик над главными воротами Эски-Кермена и средневековая традиция надвратных церквей // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — 2016. — Вып. XXI. — С. 174–182.
7. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I: XII столетие. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 583 с.
8. *Ёлишин Д. Д.* Каменная гражданская архитектура Новгорода XIV–XV веков в контексте истории изучения гражданских построек домонгольской Руси // Актуальные проблемы теории и исто-

- рии искусства: сб. науч. статей. Вып. 9 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — М.: МГУ имени М.В. Ломоносова / СПб.: НП-Принт, 2019. — С. 416–428.
9. Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. I. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — 579 с.
 10. Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. II. Памятники киевского зодчества X–XIII вв. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — 661 с.
 11. Коринный Н. Н. Переяславская земля, X — первая половина XIII в. — Киев: Наукова думка, 1992. — 312 с.
 12. Полное собрание русских летописей: Т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846. — 269 с.
 13. Полное собрание русских летописей: Т. II. Ипатьевская летопись. — Пг.: Первая Петроградская трудовая артель печатников, 1923. — 320 стб.
 14. Полное собрание русских летописей: Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 288 с.
 15. Патерик Киевского Печерского монастыря. — СПб.: Типография М. А. Александрова, 1911. — 276 с.
 16. Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси. — М.: Изд-во Московской патриархии, 2001. — 429 с.
 17. Поппэ А. В. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // Византийский временник. — 1968. — Т. 28. — С. 85–108; — 1969. — Т. 29. — С. 95–104.
 18. Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. — М.: Изд-во Московск. ун-та, 1977. — 264 с.
 19. Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества X–XIII вв. // МИА СССР. — № 52. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — 184 с.
 20. Раппопорт П. А. Древнерусское жилище (Свод археологических источников. Вып. EI–32). — Л.: Наука, 1975. — 179 с.
 21. Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников (Свод археологических источников. Вып. EI–47). — Л.: Наука, 1982. — 136 с.
 22. Седов Вл. В. Новый Иерусалим в надвратных храмах Византии и Древней Руси // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / Сб. ст. под ред. А. М. Лидова. — М.: Индрик, 2009. — С. 544–584.
 23. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. II. — Харьков; М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. — 672 с.
 24. Тараненко С. П. Лазні у планувальній структурі давньоруського подолу Києва // Місто: історія, культура, суспільство. Е-журнал урбаністичних студій. — 2016. — № 1. — С. 129–139. URL: http://resource.history.org.ua/cgi-bin/eiu/history.exe?&I21DBN=EJRN&P21DBN=EJRN&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21COLORTERM S=0&S21P03=IDP=&S21STR=misto_2016_1_12 (дата обращения: 25.01.2019).
 25. Трушнікова А. В. К вопросу о византийских истоках надвратных храмов Руси // Seminarium Bulkanianum. IV: К 80-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина / Сборник статей под ред. И. В. Антипова, И. А. Шалиной. — СПб.: Каламос, 2017. — С. 49–58.
 26. Халтахчян О. Х. Средневековые бани Армении // Советская археология. — 1960. — № 1. — С. 215–229.
 27. Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. III. Средневековые бани Херсонеса // Советская археология. — 1946. — № 8. — С. 261–278.
 28. Byzantine Monastic Foundation Documents: A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments / Ed. J. Thomas, A. Constantinides Hero with the assistance of G. Constable. — Washington D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2000. — 1849 p.
 29. Janin R. Constantinople Byzantine. Développement urbain et repertoire topographique. — Paris: Institut Français d'Études Byzantines, 1950. — 483 p.
 30. Ousterhout R. Houses, Markets and Baths: Secular Architecture in Byzantium // Heaven & Earth: Art of Byzantium from Greek Collections / Ed. A. Drandaki, D. Papanikola-Bakirtzi, A. Tourta. — Athens: Hellenic Ministry of Culture and Sports, Benaki Museum, 2013. — P. 211–213.
 31. Орλάνδος А. К. Μοναστηριακή αρχιτεκτονική. — Αθήνα: Δευτέρα Εκδοση Ηύξημένη, 1958. — 179 σ.
 32. Ρεβιθιάδου Φ., Ράπτης Κ. Αποκατάσταση — Στερέωση του Βυζαντινού Λουτρού στη Θεσσαλονίκη. — Θεσσαλονίκη: Εκδόσεις Ζήτη, 2014. — 32 σ.

Название статьи. Гражданская постройка («баня») в Переяславле и архитектура резиденций русских архиереев XI–XV веков.

Сведения об авторе. Фрезе Анна Андреевна — инженер-исследователь. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034. anna.freze@gmail.com

Аннотация. Согласно летописным источникам, в последней четверти XI в. митрополит Ефрем развернул в Переяславле широкую строительную программу. Кроме кафедрального собора были возведены каменные стены, ворота с надвратной церковью, храм у ворот, баня и «прочие здания». Состав построек позволяет говорить о намерении митрополита построить резиденцию для переяславских владык. Появление в этом комплексе каменной бани может быть обусловлено знакомством митрополита Ефрема с жизнью византийских монастырей во время его пребывания в Константинополе. Уставы столичных обителей в это время фиксируют возобновившийся интерес к вопросам гигиены и предусматривают наличие бань в составе монастырского комплекса.

Высказывались осторожные предположения, что найденную в детинце Переяславля гражданскую постройку XI в. можно отождествить с баней митрополита Ефрема. Сооружение дошло до настоящего времени в крайне плохой сохранности, но его исследователями кроме фрагментов богатой декоративной отделки были найдены шесть обломков керамических труб. Известные бани средневизантийского периода во всём восточнохристианском мире демонстрируют единство и постоянство планировки и технологии, которые с большим трудом можно сопоставить с раскрытыми частями гражданской постройки в Переяславле. За исключением обломков гончарных труб, при раскопках переяславской гражданской постройки не были обнаружены основные археологические маркеры, которые могли бы недвусмысленно свидетельствовать о функционировании здания в качестве бани: столбики гипокауста, топка, значительные слои золы и угля, обожжённые кирпичи в кладке. До появления новой возможности раскрыть здание и расширить площадь раскопок следует признать, что бесспорных и достаточных аргументов в пользу отождествления данного памятника с баней митрополита Ефрема нет. С большей вероятностью раскрытые помещения входили в дворцовый комплекс владыки. Данное предположение обуславливает актуальность дальнейшего изучения резиденции митрополита Переяславля в контексте истории древнерусской гражданской архитектуры XI–XV вв., в частности для исследования особенностей архиерейских парадно-жилых ансамблей.

Ключевые слова: гражданская постройка; митрополит Ефрем Переяславский; древнерусская архитектура; византийская архитектура; баня; монастырское строительство.

Title. Secular Building (“The Bath-House”) in Pereyaslav’ and the Residences of the Russian Hierarchs in the 11th–15th Centuries.

Author. Freze, Anna Andreevna — researcher. Saint Petersburg State University, Universitetskaia nab., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. anna.freze@gmail.com

Abstract. According to the Russian chronicles, metropolitan Ephrem initiated an intensive building program in the city of Pereyaslav’ in the last quarter of the 11th century. Besides the cathedral, the chronicles mention stone walls, a gate with a church over it, a church near this gate, a bath-house and “other buildings”. This building program indicates that Ephrem of Pereyaslav’ intended to erect an official residence for the metropolitans/bishops of the principedom. It is highly likely that the bath-house project was inspired by Ephrem’s experience as a monk of an unknown Constantinopolitan monastery. The typika of the monasteries in the Byzantine capital testify that it was the very time of the rising concern with the hygiene issues within the monastic society. It has been tentatively proposed that the civil building of the 11th century within the fortress of Pereyaslav’ might be identified as Ephrem’s bath-house. This monument is in a poor state of preservation; however, the archaeologists were able to find six pieces of ceramic tubes, along with the fragments of elaborate décor of the building. The studied bath-houses of the middle Byzantine period throughout all Eastern Christian countries demonstrate uniformity and consistency of their layouts. They are hardly matched with the civil building in Pereyaslav’. Ceramic tubes being put aside, there is no archaeological evidence in favor of its functioning as a bath-house. Therefore, for today this secular building should be considered as a part of the palatial complex of the metropolitan. The study of this ensemble should be continued, being a key issue for understanding the first stage of evolution of the ecclesiastical residences in Old Rus’.

Keywords: secular building; metropolitan Ephrem of Pereyaslav’; bath-house; Byzantine architecture; monastic architecture; architecture of Ancient Rus’.

References

- Akrabova-Zhandova Iv.; Vasileva D. Bania v³v v³treshniia grad na Preslav. *Preslav. Sbornik (Preslav. Collection of Articles)*, vol. 2. Sofia, Nauka i izkustvo Publ., 1976, pp. 258–270 (in Bulgarian).
- Antipov I. V.; Bulkin Val. A.; Zherve A. V. New Materials on the History of the Archbishop's Court in Novgorod. *Lazarevskie chteniia. Iskustvo Vizantii, Drevnei Rusi, Zapadnoi Evropy. Materialy nauchnoi konferentsii. 2009 (Lazarev's Readings. Art of Byzantium, Old Rus', Western Europe. Proceedings of the Conference. 2009)*. Moscow, Moscow university Publ., 2009, pp. 141–155 (in Russian).
- Antipov I. V.; Bulkin Val. A.; Zherve A. V.; Troianovskii S. V. Archaeological and Architectural Works on the Faceted Palace of the Novgorod Kremlin, 2006–2007. *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Iskustvo i restavratsiia (Novgorod and Novgorodian Lands. Art and Restoration)*, 2008, vol. 3, pp. 113–118 (in Russian).
- Aseev Iu. S.; Sikorskii M. I.; Iura R. A. A Monument of Civil Architecture of the 11th Century in Pereyaslav' Khmel'nitskii. *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)*, 1967, no. 1, pp. 199–214 (in Russian).
- Bogusevych V. A. Sporuda XI st. u dvori kiiv's'kogo mitropolita. *Arkheologiia (Archaeology)*. 1961, vol. 13, pp. 105–113 (in Ukrainian).
- Jolshin D. D. Masonry Civil Architecture of 14th–15th-Century Novgorod in the Context of History of the Research of Secular Buildings of Premongol Rus'. Zakharova A. V.; Staniukovich-Denisova E. Iu.; Maltseva S. V. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 9*. Moscow, Lomonosov Moscow State University; St. Petersburg, NP-Print Publ., 2019, pp. 416–428. Available at: <http://dx.doi.org/10.18688/aa199-3-36> (in Russian).
- Iakobson A. L. From the History of the Mediaeval Architecture in Crimea. Mediaeval Bath-Houses in Chersonesus. *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)*, 1946, no. 8, pp. 261–278 (in Russian).
- Ivanov S. Bath of Ephrem in Pereyaslav and Its Byzantian Context. *Naukovi zapiski z ukrains'koï istorii. Zbirnik naukovikh statei (Scientific Essays on the Ukrainian History. Collection of Articles)*, 2008, vol. 8, pp. 226–228 (in Russian).
- Janin R. *Constantinople Byzantine. Développement urbain et repertoire topographique*. Paris, Institut Français d'Études Byzantines Publ., 1950. 483 p. (in French).
- Karger M. K. *Drevnii Kiev. Ocherki po istorii material'noi kul'tury drevnerusskogo goroda (Ancient Kiev. Essays on the History of Material Culture of the Ancient Russian City)*, vol. 1. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences USSR Publ., 1958. 579 p. (in Russian).
- Karger M. K. *Drevnii Kiev. Ocherki po istorii material'noi kul'tury drevnerusskogo goroda (Ancient Kiev. Essays on the History of Material Culture of the Ancient Russian City)*, vol. 2. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences USSR Publ., 1961. 661 p. (in Russian).
- Karger M. K. Monuments of the Pereyaslav' Architecture of the 11th–12th Centuries as of the Recent Archaeological Research. *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)*, 1951, vol. 15, pp. 44–63 (in Russian).
- Khalkhach'ian O. Kh. Mediaeval Bath-Houses of Armenia. *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)*, 1960, no. 1, pp. 215–229 (in Russian).
- Khrustalev D. G. *Razyskaniia o Efreme Pereiaslavskom (Studies on Ephrem of Pereyaslav')*. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2002. 447 p. (in Russian).
- Korinnyi N. N. *Pereiaslavskaia zemlia, X — pervaiia polovina XIII v. (The Land of Pereiaslav', 10th — First Half of the 13th Century)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1992. 312 p. (in Russian).
- Orlandos A. K. *Monasteriaki Arkhitektoniki (Monastic Architecture)*. Athens, Defera Ekdosis Ifsimeni Publ., 1958. 179 p. (in Greek).
- Polnoe sobranie drevnerusskikh letopisei. Lavrentievskaiia i Troitskaiia letopisi (Complete Collection of Ancient Russian Chronicles. Lavrentievskaiia and Troitskaiia letopisi)*. St. Petersburg, Tipografiia Eduarda Pratsa Publ., 1846. 269 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie drevnerusskikh letopisei. Ipatievskaiia letopis' (Complete Collection of Ancient Russian Chronicles. Ipatievskaiia letopis')*. Petrograd, Pervaiia Petrogradskaia Trudovaia Artel' Pechatnikov Publ., 1923. 320 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie drevnerusskikh letopisei. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'iu (Complete Collection of Ancient Russian Chronicles. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'iu)*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 288 p. (in Russian).
- Paterik Kievskogo Pecherskogo monastyria (Paterik of the Kievskii Pecherskii Monastery)*. St. Petersburg, Tipografiia M. A. Aleksandrova Publ., 1911. 276 p. (in Russian).

Pentkovskii A. M. *Tipikon patriarkha Alekseia Studita v Vizantii i na Rusi* (*Tipikon of Patriarch Alexios Stoudites in Byzantium and Rus'*). Moscow, Moscow patriarchy Publ., 2001. 429 p. (in Russian).

Poppe A. V. Russian Metropolitan Sees of the Constantinopolitan Patriarchate in the 11th Century. *Vizantiiskii vremennik* (*Byzantina xponika*), 1968, vol. 28, pp. 85–108; 1969, vol. 29, pp. 95–104 (in Russian).

Priselkov M. D. *Ocherki po tserkovno-politicheskoi istorii Kievskoi Rusi X–XII vv.* (*Essays on the History of the Church and State in the Kievan Russia of the 11th–12th Centuries*). St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 245 p. (in Russian).

Rapov O. M. *Kniazheskie vladeniia na Rusi v X — pervoi polovine XIII v.* (*Landholdings of Princes in Rus' in the 10th — First Half of the 13th Century*). Moscow, Moscow university Publ., 1977. 264 p. (in Russian).

Rappoport P. A. *Drevnerusskoe zhilishche. Svod arkheologicheskikh istochnikov* (*Ancient Russian House. Corpus of Archaeological Evidence*). Leningrad, Nauka Publ., 1975. 179 p. (in Russian).

Rappoport P. A. *Ocherki po istorii voennogo zodchestva X–XIII vv.* (*Essays on the History of the Military Architecture of the 10th–13th Centuries*). Moscow; St. Petersburg, Academy of Sciences USSR Publ., 1956. 184 p. (in Russian).

Rappoport P. A. *Russkaia arkhitektura X–XIII vv.: Katalog pamiatnikov* (*Svod arkheologicheskikh istochnikov*) (*Russian Architecture of the 10th–13th Centuries: Catalogue of the Monuments (Corpus of Archaeological Evidence)*). Leningrad, Nauka Publ., 1982. 136 p. (in Russian).

Revithiadou F.; Raptis K. *Restoration — Consolidation of the Byzantine Bath in Thessaloniki*. Thessaloniki, Ziti Publ., 2013. 32 p. (in English and Greek).

Sedov V. V. New Jerusalem in Churches over the Gates in Byzantium and Old Russia. *Novyie Ierusalimye. Ierotopiia i ikonografiia sakral'nykh prostranstv* (*New Jerusalem. Hierotopy and Iconography of Sacred Spaces*). Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 544–584 (in Russian).

Sorochan S. B. *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI — pervaiia polovina X vv.)*. *Ocherki istorii i kul'tury. Chast' II* (*Byzantine Chersonesus (Second Half of the 6th — First Half of the 10th Centuries). Essays on History and Culture. Part 2*). Kharkov; Moscow, Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke Publ., 2013. 672 p. (in Russian).

Taranenko S. P. Bath-Houses in the Planning Structure of Ancient Kyiv-Podil. *Misto: istoriia, kul'tura, suspil'stvo. E-zhurnal urbanistichnikh studii* (*City: History, Culture, Society. Web-journal of Urbanistic Research*). Available at: http://resource.history.org.ua/cgi-bin/eiu/history.exe?&I21DBN=EJRN&P21DBN=EJRN&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21COLORTERMS=0&S21P03=IDP=&S21STR=misto_2016_1_12 (accessed 25 January 2019) (in Ukrainian).

Thomas J.; Constantinides Hero A.; Constable G. (eds.). *Byzantine Monastic Foundation Documents: A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments*. Washington D. C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection Publ., 2000. 1849 p.

Trushnikova A. V. On the Byzantine Sources for the Churches over the Gates in Rus'. *Seminarium Bulkanianum. IV: K 80-letiiu so dnia rozhdeniia Valentina Aleksandrovicha Bulkina* (*Seminarium Bulkanianum. IV: For the 80th Anniversary of Birth of Valentin A. Bulkin*). St. Petersburg, Kalamos Publ., 2017, pp. 49–58 (in Russian).

Ousterhout R. Houses, Markets and Baths: Secular Architecture in Byzantium. *Heaven & Earth: Art of Byzantium from Greek Collections*. Athens, Hellenic Ministry of Culture and Sports Publ., Benaki Museum Publ., 2013, pp. 211–213.

Vinogradov A. Iu. A Small Church above the Main Gate of Eski-Kermen and the Mediaeval Tradition of a Church over the Gate. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (*Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tavria*), 2016, vol. 21, pp. 174–182 (in Russian).

Voronin N. N. *Zodchestvo Severo-Vostochnoi Rusi XII–XV vekov. T. I. XII stoletie* (*Architecture of the North-Western Rus' in the 12th–15th Centuries, vol. 1. 12th Century*). Moscow, Academy of Sciences USSR Publ., 1961. 583 p. (in Russian).

Илл. 63. Банный комплекс. Фессалоника, Греция. Вторая половина XII — начало XIII в. Вид с юго-востока.
Фото К. Раптис, Ф. Ревисиаду

Илл. 64. Банный комплекс. Фессалоника, Греция. Вторая половина XII — начало XIII в. Кальдариум.
Фото К. Раптис, Ф. Ревисиаду